

Доктор Роберт С. Ньюман, Синоптические Евангелия,

Лекция 14, Критика формы

© 2024 Роберт Ньюман и Тед Хильдебрандт

Доброе утро. Мы подошли к последнему занятию курса синоптического евангелия. Мы уже рассмотрели исторического Иисуса, еврейское происхождение, введение в экзегезу, жанр повествования, дату авторства, характеристики синоптиков, экзегетику притчей, евангелия как литературные произведения, синоптическую проблему, географию Палестины и Иерусалима, экзегетику рассказов о чудесах, теологию синоптиков, спорные рассказы, экзегетику спорных рассказов, а теперь мы хотим рассмотреть критику формы и критику редакции.

Мы также хотим закончить некоторыми выводами по истории евангелия. Ну, мы немного подумаем о терминологии критики формы. О чем говорит слово критика формы? Это грубый перевод на английский язык двух немецких терминов, *Formgeschichte*, история формы, или *Gattungsforschung*, жанр исследования.

Критика формы — это метод анализа материалов, которые были переданы устно, в попытке восстановить их оригинальные версии, исходя из предположения, что их литературные формы могут быть идентифицированы и восстановлены до их примитивных условий. Мы собираемся немного прояснить это здесь. Идея заключается в том, что истории или поговорки циркулируют устно, и по мере того, как они это делают, их содержание и сложность меняются предсказуемым образом, что-то вроде историй о рыбе, которая уплыла, которые всегда кажутся больше, когда история повторяется снова и снова.

Ну, применение критики формы к Новому Завету начинается с Рудольфа Бультмана сразу после Первой мировой войны. Сначала мы хотим немного рассмотреть предысторию критики формы, а затем вернуться и начать ее конкретно описывать. Этот подход, критика формы, не появился внезапно вместе с Бультманом, но имеет длительную предысторию в библейских исследованиях. Несколько направлений либеральной мысли были объединены в критике формы.

Прежде всего, реконструкция церковной истории FC Bauer. Bauer был немецким профессором церковной истории в середине 19 века и середине 1800-х годов. Bauer принял философию истории Гегеля и применил ее к церковной истории.

В это время философия и история Гегеля, а также конфликт идей, были очень влиятельны в Европе. Он рассматривал всю историю как конфликт между новой идеей, которую он называл тезисом, которая порождала контридею, антитезис. Их конфликт в конечном итоге привел к некоторым компромиссным идеям, которые он называл синтезом.

Итак, тезис конфликтует с антитезисом, что приводит к синтезу. Большинство людей больше знакомы с тем, как Карл Маркс применил эту идею к борьбе между социальными классами. Бауэр был первым, кто применил эти идеи к ранней истории церкви.

Он видел борьбу между двумя группами в ранней церкви, характеризующуюся следующим образом. С одной стороны, иудейская церковь. С другой стороны, языческая церковь.

Петр — лидер иудейской церкви. Павел — лидер языческой церкви. Иудейская церковь состояла в основном из евреев.

Языческая церковь в основном эллинистические язычники. Еврейская церковь видела Иисуса как великого чудотворца и Мессию. Языческая церковь видела Иисуса как Бога в новой мистической религии.

Иудейская церковь делала упор на закон. Языческая церковь делала упор на таинства. Иудейская церковь делала упор на национальное спасение, спасение Израиля.

Языческая церковь, об индивидуальном спасении. Позже, в 20 веке, Бульман использует идеи Бауэра о двух отдельных ранних еврейских и языческих церквях для датировки источников, которые он, как он утверждает, находит в евангельском материале. Так что это первый элемент, если хотите, который будет использован Бульманом в его критике формы.

Вторым был мифический подход Давида Фридриха Штрауса. Штраус, как вы помните, написал *Leben Jesu* еще в 1835 году, и он сказал, что многое в Евангелии было мифическим, особенно чудесное. Он считал, что Евангелия — это пропагандистские произведения, которые учат религиозной истине, но события, о которых они рассказывают, на самом деле не происходили.

Критики формы, особенно Бульман, следуют за Штраусом, рассматривая многое в евангелиях как миф. Затем, у нас есть третий элемент, документальная теория Бернарда Вайса и Х. Дж. Хольцмана. Когда мы говорили о синоптической проблеме, мы упомянули теорию двух документов.

Это было популяризировано Вайсом и Хольцманном, хотя Эйххорн предложил это раньше. Здесь Марк и Q являются источниками, которые использовали Матфей и Лука. Критика формы рассматривает Марка и Q как литературные источники, стоящие за евангелиями, но затем пытается вернуться за Марком и Q к исходным примитивным устным материалам.

Четвертый элемент — старые либеральные аргументы о характере Иисуса. Как мы уже говорили ранее, с удалением чудес из Евангелий мы имеем противоречивые изображения Иисуса. Некоторые видят в нем морального учителя, другие — революционного лидера, пророка эсхатологической гибели или шарлатана.

То, какие части евангельского материала выбираются или отвергаются, влияет на то, какой тип Иисуса видят эти разные ребята. Бультман и другие надеются, что критика формы может прояснить картину и вернуться к реальному историческому Иисусу. Пятым элементом критики формы является скептицизм Вреде и Велльхаузена.

Вреде и Велльхаузен предположили, что даже Марк и Q были теологическими конструкциями, полученными из интерпретации ранней церкви. И поэтому, если это правда, то мы должны растворить структуру этих повествований и рассмотреть изолированные основные высказывания. И это то, что делает формальная критика.

Но критика формы началась впервые в Ветхом Завете, и это своего рода шестой элемент. И это приводит нас к Герману Гункелю. Он различал небольшие разделы в Бытии и в Псалмах, которые, как он утверждал, когда-то передавались устно, прежде чем были записаны.

По его словам, блоки в Книге Бытия содержат легенды, призванные объяснить происхождение имен, будь то места или люди. Блоки в Псалмах представляли собой богослужения или литургические материалы, подготовленные для определенных случаев или определенных святынь. Гункель пытался реконструировать жизненную ситуацию, которая в немецком языке стала известна как *sitz im leben*, в которой возникли эти истории или Псалмы.

Затем Бультман пытается сделать то же самое для единиц, которые он находит в синоптических Евангелиях. Это приводит нас, наконец, к формированию критики в Новом Завете. После Первой мировой войны Бультман применил метод Гункеля к Евангелиям, то есть к частям, изолированным от структуры Марка и Q, как предлагали Вреде и Велльхаузен.

Бультманн утверждал, что его метод, критика формы, может отличать более ранний материал от более позднего, может отличать языческие источники от

еврейских и таким образом может определять, какие материалы действительно восходят к Иисусу. Методы Бультмана были усовершенствованы с тех пор. Они находят своих самых ярых практиков среди членов Семинара Иисуса, который упоминался в нашем обсуждении исторического Иисуса.

Итак, вот что касается предыстории критики формы. Методы критики формы. Ну, первый вопрос, который следует задать, я полагаю, это что такое форма? Ну, чтобы понять критику формы, начнем с основ.

Есть всякие вещи, которые называются формами, и некоторые из них имеют некоторое отношение к нашему вопросу. Форма — это своего рода форма, которая придает форму некоторой среде. Например, у нас есть бетонные формы для заливки бетона, чтобы сделать тротуары, желоба и тому подобное.

У нас есть формы для желе, чтобы делать салаты - желе и некоторые другие вещи такого рода. Мы могли бы назвать это физическими формами. По аналогии, у нас также есть языковые формы, и языковые формы также придают форму некоторой среде, но среда здесь — это язык.

Эти формы фиксируют определенные слова, которые затем являются формой, а затем изменяют другие слова, которые, как мы могли бы подумать, являются содержимым, которое мы вливаем в форму. И поэтому эти формы полезны для различных приложений. Мы все еще думаем об этом в довольно общем использовании, когда говорим о заполнении формы.

Итак, у вас есть форма заявления, и она настроена для подачи заявления на работу или в колледж или что-то еще, и в ней есть определенные формы, фиксированные вещи, имя, адрес и т. д., и то, что это, зависит от того, какой это вид формы. Некоторые примеры, которые, возможно, не так часто называют формами, вежливое представление — это форма. У вас есть своего рода место для имени человека, а затем я хотел бы, чтобы вы познакомились, и затем вы вписываете туда имя другого человека, так что это вежливо говорит вам, как вы представляете кого-то.

Проповедь также, если хотите, литературная форма или словесная форма. Она может иметь несколько разные формы, если хотите, формы, если хотите, в зависимости от того, является ли это текстовой проповедью, тематической проповедью или разъяснительной проповедью. Классическая форма проповеди состоит из вступления, основной части и заключения, а основная часть, особенно для классической проповеди, должна содержать три пункта и должна быть усеяна иллюстрациями и увещаниями.

Заключение вполне может закончиться стихотворением, молитвой или призывом к алтарю, в зависимости от конкретной христианской конфессии или

предыстории, в которой проповедь читается. Хороший тест для распознавания формы — можно ли ее имитировать или пародировать? Например, текстовая проповедь о Мэри был ягненок, которую я слышал несколько раз, является примером такого рода вещей. Мы также получаем юридические или финансовые формы.

Например, если вы достаете свою чековую книжку и смотрите на нее, то увидите, что в чеке есть фиксированные слова и много пробелов, и по сути это небольшая короткая записка или письмо в ваш банк, и на нем указана дата, чтобы банк мог видеть, давно ли он был выписан или нет, и там указано, кому вы платите чек и на какую сумму, и на нем есть два места для этого, чтобы получатель не подделал чек, не вставил несколько дополнительных цифр, чтобы увеличить сумму, а затем на нем есть ваша подпись, и на последних чеках, конечно, есть название банка и всевозможные номера маршрутизации внизу и тому подобное. Акт или завещание также являются примерами юридических форм. В английском языке у нас есть литературные формы в поэзии.

Сонет, например, зафиксирован как четырнадцать строк, и он должен быть в определенном размере, называемом пятистопным ямбом, и его лирика. Он о какой-то теме, например, о любви или красоте природы или о чем-то в этом роде, и часто имеет фиксированную схему рифмовки. Итак, вот христианский сонет Фрэнсиса Ридли Хавергилла, довольно известного автора гимнов 19 века.

Любовь достигает кульминации в блаженстве, когда она достигает белого, немерцающего, всепоглощающего сияния, и знание, что оно известно, как оно знает, не нуждается в успокаивающих словах или успокаивающих речах. Она жаждет лишь безмолвной близости, чтобы отдохнуть. Ни звука, ни движения, любовь не слышна, но чувствуется, все дольше и дольше, пока время не растает, снежинка на груди вечного океана.

Моменты этой тишины украсили твое прошлое, сделали память местом, населенным славой, научили всей радости, которую смертные родственники могут проследить? При большем свете это всего лишь тень. Так возрадуется Господь Бог твой о тебе, и в своей любви покоится и молчит. На другом конце спектра у нас есть лимерики, которые представляют собой юмористические стихотворения из пяти строк.

Три строки, первая, вторая и пятая, имеют три стопы в размере, и они рифмуются. А две строки, третья и четвертая, короче на две стопы, и они рифмуются. А пятая строка — это кульминация.

Была молодая леди по имени Брайт, которая путешествовала гораздо быстрее света. Она отправилась однажды в относительном направлении и вернулась предыдущей ночью. Один из моих студентов написал этот лимерик.

Был профессор по имени Ньюман, который был известен своим остроумием и проницательностью. Он дал тест, но все угадали, поэтому он провалил их, даже не кипя от злости. Это был Джон Блум, один из моих бывших студентов.

Ну, это примеры литературных форм, если хотите. Давайте взглянем на утверждения, которые делают Бультман и другие критики форм. Они говорят, да, хорошо, есть формы в письменной и устной литературе, так что, по словам Бультмана, мы можем с ними сделать? Вот типичные утверждения критиков форм типа Бультмана.

Некоторые критики более консервативны, чем он, но Бультманн, безусловно, является самым влиятельным лицом в изучении Нового Завета. Так, Бультманн и другие в этом роде утверждают. Во-первых, был период устной традиции до того, как были написаны Евангелия, и большинство людей согласятся, что что-то устное существовало некоторое время.

Бультманн утверждает о двух поколениях устной передачи, от Христа до, возможно, 70-100 гг. н. э. Во-вторых, в течение этого времени устной передачи евангельские высказывания и повествования циркулировали как независимые единицы. И затем, в-третьих, эти единицы могут быть классифицированы по их форме в группы. Обычно есть три группы; в некоторых их будет больше, и вы, очевидно, можете подразделить группы.

Одна из этих групп — это высказывание, изолированное утверждение Иисуса, без какого-либо поддерживающего его повествования. Другая — это поговорка, пословица или острое лаконичное высказывание с историей вокруг него, которая помогает вам понять его смысл или помогает вам увидеть кульминацию или что-то в этом роде. И третья — история о чуде, повествование о чудесном событии.

В-четвертых, Бультман и другие утверждают, что ранняя церковь не только сохранила, но и изобрела многие из этих единиц для удовлетворения практических нужд. И поэтому, зная акцент каждой единицы, мы можем определить ее источник и показать, что многие из них не восходят к Иисусу. Итак, одно из них заключается в том, что палестинская или иудейская церковь видела в Иисусе своего Мессию и ожидала его возвращения как Сына Человеческого.

Итак, такого рода материал указывает на еврейское церковное происхождение. Эллинистическая языческая церковь, с другой стороны, видела Иисуса как

культового владыку или божество своей новой мистической религии и подчеркивала свое нынешнее общение со Святым Духом. Итак, ранняя церковь сохранила и изобрела многие из них.

В-пятых, эти материалы имеют мало или вообще не имеют реальной биографической, хронологической или географической ценности. Степень, в которой они это имеют, не является, скажем так, аутентичной. Поэтому, что бы они вам ни говорили в этих областях, это было добавлено позже в устной традиции или придумано Марком, чтобы соответствовать его структуре или что-то в этом роде.

Балтимор и подобные ему указали бы на то, что эта тенденция прослеживается в фольклоре. Так что, как мы думаем, истории о Джордже Вашингтоне украшены неисторическими подробностями, вроде того, как он бросил доллар через реку Потомак или что-то в этом роде. Обратите внимание на то, что здесь подразумевается, что ранняя церковь была небрежна с правдой и использовала свои истории в пропагандистских целях.

В-пятых, можно восстановить оригинальную версию каждой единицы традиции и проследить ее устную историю, используя законы, управляющие традицией. Ну, и что это за законы? Они выведены из наблюдения за тем, как развиваются истории и т. д. Например, традиции в греческой и еврейской литературе.

в Письме Аристея прослеживается происхождение перевода Септуагинты в Ветхом Завете. И когда вы слышите историю происхождения Септуагинты у более поздних авторов, она имеет тенденцию приукрашиваться различными способами, как сообщают, скажем, Филон или Иосиф Флавий, или отцы церкви, или другие. Вы также можете увидеть, как она развивается в притчах в Талмуде и другой еврейской религиозной литературе, где вы часто видите несколько версий одной и той же притчи в разной раввинской литературе.

Или апокрифические Евангелия, поскольку они заимствуют из канонических Евангелий. Или канонические Евангелия, Матфей и Лука, поскольку они заимствуют из Марка и Q. Так что это были бы те места, которые Бультман и другие использовали бы, чтобы попытаться разработать свои законы того, как традиция изменяет содержание различных устных утверждений. Ну, это своего рода предположение критиков формы.

Затем мы немного рассмотрим их процедуру. Используя эти утверждения, критики формы обрабатывают каждую единицу, чтобы получить ее наиболее примитивную форму, а затем пытаются решить, восходит ли эта единица к Иисусу или нет. Итак, их первый шаг — изолировать истории и высказывания от контекста, что, как предполагается, является чисто редакторским изобретением.

Итак, они предполагают, что Матфей и Лука оба используют Марка, и поэтому они затем в основном пытаются и вынуть эти анекдоты, если хотите, или эти высказывания, и если необходимо, немного их подстричь, чтобы вернуться к изначальной форме. Чтобы сделать это, они используют законы традиции, чтобы восстановить первоначальное или примитивное состояние каждой истории или высказывания. Для этого примитивное повествование, как говорят, характеризуется одной сценой, коротким периодом времени, только двумя или тремя персонажами, и любые присутствующие группы действуют как единое целое.

На самом деле, мы часто видим эти вещи. Это особенности повествования, понятно? И являются ли эти истории историческими или нет, чтобы что-то передать, что мы должны сказать понятным, интересным образом? Это общие черты, если хотите.

Развитие повествования затем включает, согласно Бултману и другим, увеличение детализации и придание подробностей большей определенности, добавление имен там, где ни одно из них не было оригинальным, преобразование косвенного дискурса в прямой дискурс и добавление чудесных элементов. Так что в основном они применяются, чтобы попытаться вернуться к самой примитивной форме для каждого высказывания или истории высказывания или истории о чуде. И затем, в-пятых, в-третьих, извините, вы пытаетесь решить, какая ранняя группа была ответственна за эту примитивную форму.

Возможности? Ранняя церковь, иудейская или языческая, иудеи или Иисус, верно? Как мы уже говорили, Мартин Лютер вышел из католической церкви и положил начало лютеранству. Итак, Иисус вышел из иудаизма и положил начало христианству. Итак, все эти возможные группы рассматриваются как кандидаты.

Какие критерии будут использоваться, чтобы попытаться решить, восходят ли они к Иисусу или нет? Одним из них является множественное подтверждение. Если форма появляется и у Марка, и у Q, то она, скорее всего, восходит к Иисусу и диссонансу.

Иисус на самом деле говорил такие вещи, которые мы не можем себе представить, чтобы сказал какой-либо другой ранний источник, например, платить налоги кесарю. Евреи не любили платить налоги.

Христиане не любили платить налоги. Так что, это должно быть связано с Иисусом. Ну, вот, в общем-то, что у нас здесь есть.

Ну, мы рассмотрим несколько примеров применения критики форм. Прежде всего, мы вернемся и немного поговорим об этих основных формах, которые мы определили. Обычно в евангельском материале выделяют три основные формы, хотя некоторые критики выделяют больше.

Обратите внимание, что категория поговорок имеет многочисленные подвиды. Истории о чудесах. Критики формы находят следующую структуру историй о чудесах.

Описывается проблема. Какая-то болезнь человека или опасность или необходимость. Что-то в этом роде.

Опасность, лодка вот-вот затонет. Необходимость, эти люди здесь, в глуши, и они могут даже не вернуться в города, когда уровень сахара в крови станет слишком низким или что-то в этом роде, можно сказать. Проблема решается действиями целителя или кем-то еще.

И Бультман замечает, что действия Иисуса как целителя очень сдержаны по сравнению с некоторыми действиями целителей у Иосифа Флавия или раввинских материалов или магических папирусов или апокрифических евангелий или вещей такого рода. И затем излагается эффект чуда. Человек исцелился, его реакция, ее реакция.

Реакция — это толпа, реакция — это демон, и тому подобное. Мы рассмотрим здесь несколько примеров, чтобы дать вам немного ощущений. Марк 1:23-27, одержимый демоном человек в синагоге.

В начале истории есть некая контекстуальная связь. Именно тогда, и так далее, и критики говорят, ну, это работа редактора. Хорошо, вот так он связывает этот анекдот с повествованием, чтобы вы выбросили это.

Но у вас есть проблема. Человек одержим демоном. У вас есть решение.

Иисус говорит и исцеляет человека. И Бультманн отмечает, как я уже сказал, что по сравнению с апокрифами и греческими историями о чудесах, в исцелениях Иисуса есть большая простота. Никаких магических слов или ритуалов, хотя иногда они указывают на эфету как на некое магическое слово, хотя это просто арамейское слово для «открыть», понятно? И, надо признать, некоторые из изгнаний демонов, которые вы видите в других местах, я думаю, тот, что у Иосифа Флавия, о котором Иосиф нам рассказывает, я думаю, это был ессей, у которого было кольцо с какими-то травами внутри, которые были указаны в одной из магических книг Соломона.

Он берет кольцо, подносит его к носу парня, тянет его, и демон выходит. И демон опрокидывает таз с водой здесь, чтобы вы знали, что он вышел, и т. д. Итак, эффект в этом конкретном случае, который мы рассматриваем, заключается в том, что человек одержим демоном, Иисус говорит и исцеляет человека, а затем вы видите реакцию толпы, демона и исцеленного человека в этом конкретном случае.

Или Марк 4:35-41, Иисус запрещает ветру и волнам. Контекст: в тот день выбрось его, ладно? Проблема, лодка тонет, и у вас сильный ветер. Решение, Иисус запрещает ветру.

Скорее, сдержанное действие. Эффект, спокойствие. Ученики поражены.

Оба эти примера соответствуют примитивной форме рассказа о чудесах Бульмана. Одна сцена, несколько актеров, толпа, действующая как единое целое и т. д. Что ж, рассказы о чудесах на самом деле имеют эту базовую форму.

Мы уже это видим, и когда мы говорили о чудесных рассказах в нашем экзегетическом рассказе о чуде, и когда мы рассматривали характеристику Леланда Райкена множества различных видов повествований в синоптических Евангелиях. У них есть базовая форма, но это не значит, что их можно назвать примитивными или развитыми. Это естественный способ рассказать что-то подобное, и он применим к любому анекдоту о решении проблем, если хотите.

Истории-говорки. История-говорка — это повествование, в котором центральной частью является поговорка. Повествование строится так, чтобы пролить свет на значение или воздействие поговорки.

Некоторые общие характеристики новозаветных повествовательных историй. Некоторые из них, соответствующим образом измененные, также применимы к светским и современным формам. Во-первых, акцент делается на высказывании Иисуса или на том, что он одобрил.

В раввинской литературе акцент делается на том, что сказал Гиллель, что сказал Шаммай, что сказал Акива или что-то в этом роде. Краткого, простого повествования достаточно, чтобы сделать высказывание понятным. Часто кто-то рассказывает какую-то историю, а затем говорит: «Ты должен был там быть, ладно?» Другими словами, он не очень хорошо рассказал историю, вот что это в основном значит.

Если вы хорошо это расскажете, человек может уловить суть. В-третьих, история содержит некоторый биографический интерес. Но Бульман сказал бы, что это

только биографический интерес относительно того, каким люди думали, что был Иисус.

Бультман утверждает, что они не имеют никакой реальной исторической ценности, поскольку они неточны. Пост-Бультманнианцы, как мы видели ранее, не согласны с этим, утверждая, что если есть множественные подтверждения и диссонансы и т. п., то биографические черты могут восходить к историческому Иисусу и иметь некоторую ценность. И, наконец, история завершается высказыванием или действием Иисуса.

Иногда высказывание находится в середине, а действие, например, Иисус исцелил парня или что-то в этом роде, находится в конце, но чаще всего завершается высказыванием. Это позволяет хорошо войти и выйти из истории. Обычно оно заканчивается самим высказыванием или действием Иисуса.

Одна из вещей, которую вы замечаете, когда слушаете людей, которые не являются опытными или искусными рассказчиками, заключается в том, что им трудно остановиться. Они не знают, как выйти из истории, которую они рассказывают, удовлетворительным образом. Что ж, давайте рассмотрим несколько примеров рассказывания историй.

Марк 3, стихи 2-6, исцелился человек с иссохшей рукой. Это не примитивно, так как мы видим здесь сочетание чуда и истории высказывания, но поскольку акцент делается на высказывании, чудо — это сцена, которая освещает высказывание. Вероятно, требуется некоторое упрощение, чтобы быть примитивной формой согласно критике формы.

Контекст: фарисеи наблюдают за Иисусом. Вопрос в том, что у него есть этот парень с иссохшей рукой. Исцелит ли Иисус? Ответ, Иисус говорит, законно ли исцелять в субботу? И чудо исцеления Иисуса отвечает на вопрос. Биографический интерес, гнев Иисуса, забота Иисуса о больном человеке.

Закругление, либо само исцеление, либо когда фарисеи уходят, довольно злые. Другой пример говорящей истории, Марк 2, стихи 23-28, сбор зерна в субботу. Здесь Иисус отвечает на их вопрос вопросом.

Он завершает рассказ, говоря, что суббота была создана для человека, а не человек для субботы. Биографический интерес, сострадание Иисуса к своим ученикам и т. д. У нас есть много случаев, когда Иисус отвечает притчей.

Вопрос: кто мой ближний? Ответ: притча о добром самаритянине и т. д. Первая из этих категорий, таким образом, называется еврейскими поговорками. Они похожи на те, что в раввинской литературе.

Кто-то, враг, царь, ученик или человек из толпы, задает Иисусу вопрос. И, задает вопрос раввину, извините. И характерный ответ раввина — притча или другой вопрос.

Естественно, этот тип был бы старше, но не обязательно от Иисуса. Те два примера, которые мы вам привели, человек с иссохшей рукой и сбор зерна в субботу, попадают в эту категорию. Но Бультманн также видит греческие повествовательные истории.

И это гораздо менее определенная форма. Форма в основном вводится стереотипной формулой. Когда его, греческого философа или учителя или что-то в этом роде, кто-то спрашивал о чем-то, он говорил.

Никакой реальной истории или предыстории у этого нет. Так обычно сохранялись анекдоты о различных греческих философах. Ну, есть один классический пример в Новом Завете.

Это в Луки 17:20-21, где используется эта формула выше. В NASU. Теперь, будучи спрошенным фарисеями о том, когда придет Царствие Божие.

Он сказал им в ответ: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, вот, или: там.

Ибо вот, Царствие Божие внутри вас. Как гласит греческая поговорка, рассказы — это, очевидно, более поздние издания, в которых прослеживается греческое влияние. Бультманн их выбрасывает.

Согласно Бультману, еврейские истории могут иметь в качестве источника Иисуса, раннюю еврейскую церковь или дохристианских евреев. Но греческие поговорки имеют в качестве источника языческую церковь. Так что это вторая категория.

Во-первых, истории о чудесах. Во-вторых, истории о высказываниях. В-третьих, высказывания или, как мы могли бы сказать, отдельные высказывания.

Поговорки, которые изначально не имели истории, как поговорки. Некоторые из них теперь могут быть сгруппированы вместе, чтобы сформировать проповеди. Другие могут быть частью поговорки.

Но, первоначальная форма была изолирована. Некоторые из них все еще изолированы здесь. Как мы узнаем, является ли проповедь или история изобретением редактора? Почему в одном случае удаляют историю, а в другом нет? Критика говорит, что если поговорка не имеет смысла без истории, то это поговорка-история, а не просто поговорка.

Но если это имеет смысл без этого, то изначально это могло быть просто простым высказыванием. Бультман находит в Евангелиях пять видов высказываний. Притчи, которые Бультман называет Logia.

Но термин, который был закреплен критиками формы и более понятен среднему человеку, — это Притчи. Они похожи на Притчи в книгах Притчей Ветхого Завета. Или, что-то вроде Притчей Бенджамина Франклина в «Альманахе бедного Ричарда».

Короткое, емкое изречение. Первые будут последними, а последние первыми. Или, врач, исцели себя сам.

Вторая категория — пророческие или апокалиптические высказывания. Это высказывания о будущем, особенно о конце века. Камня на камне не останется.

Двое будут молотить в мельнице; один возьмется, а другой оставится и т. д. Третья категория — это слова закона или заповеди. Изречения, структурированные как команды или повеления.

Подставь другую щеку и пройди лишнюю милю. Четвертая категория — это слова с «я», где Иисус использует «я» в высказывании. Он имеет в виду себя.

Они фокусируются на личности и авторитете Иисуса. Вы слышали, как они говорили, но Я говорю вам и т. д. Это были бы примеры из Нагорной проповеди.

И, наконец, притчи. Метафорические высказывания, часто в форме рассказа, без смысла, заложенного в повествовании. Здесь на Болдуина очень сильно повлиял Адольф Эйлихер, который утверждал, что подлинные притчи делают только одно сравнение, имеют только одну точку зрения и никогда не являются аллегориями.

Притча о сеятеле, сказали бы они, может быть подлинной, но толкование не в том, что у каждого элемента есть назначенное значение; то есть, это превращает притчу в аллегорию. Это слишком сложно, чтобы быть примитивной формой. Притча о брачном пире, которую мы рассматривали ранее, вы помните, куда приглашают гостей, и некоторые из них отказываются, и они выходят и берут еще, а затем, когда они уже там, появляется этот парень, на котором нет брачной одежды и т. д.

Притча о брачном пире состоит из двух частей. Раздел о свадебном приглашении и раздел о свадебной одежде. Первоначально это были две притчи, объединенные редактором Матфея 22.

Свадебный пир царя, Матфея 22, является переработанной версией более раннего пира богача из Луки 14. Войны, сын и царь были добавлены позже. Подлинные притчи Иисуса связаны со служением Иисуса или с пришествием царства, поэтому Бультманн исключил бы все остальные, которые имеют какую-либо другую тему.

Ну, это своего рода краткий обзор того, как Бультманн делает критику формы, не проходя по всем высказываниям и т. д. Результаты для жизни Христа, согласно Бультманну. Результаты различных критиков формы будут значительно различаться в зависимости от того, где критик формы находится на либерально-консервативном спектре, но Бультманн близок к крайне либеральному концу.

Истории о чудесах. Даже сведя их к примитивной форме, Бультманн приходит к выводу, что они не являются подлинными. Почему? Поскольку его мировоззрение не допускает чудес.

См. его «Обсуждение и свидетельство веры», страницы 291 и далее. Это большое предположение. Он мог бы попытаться объяснить их как неправильно понятые естественные явления, но, видимо, не хотел, чтобы его высмеивали, как Павла.

Рассказывая истории. Только две из них подлинны, то есть восходят к Иисусу, по мнению Бультмана. Бультманн выкинул, используя аргумент диссонанса, все, что могло соответствовать иудейскому или христианскому бэкграунду.

Помните, что мы говорили о Мартине Лютере в этом отношении? Это довольно странная методология. Если бы мы выбросили все, что у Лютера также подходит к католицизму или раннему лютеранству, у нас вряд ли что-то осталось бы.

Возможно, его рабство воли, но даже это имеет приоритет в августинизме. Если только у человека нет последователей, мы бы ожидали найти параллели между его учением и учением его последователей. И если только он не очень странный, мы бы ожидали найти параллели между его учением и учением его культуры.

Две истории-поговорки, которые признает Бультманн, это Марк 12:13-17, деньги дани, и его аргумент в пользу подлинности заключается в том, что ни иудеи, ни преследуемые христиане не любили платить налоги. Опровержение. Возможно, источником истории были иродиане или зелоты, в зависимости от того, рассматривается ли Иисус как говорящий серьезно или иронически.

Марк 14, 3-9, помазание в Вифании. Аргумент в пользу подлинности, позволяющий выливать благовония, странен, учитывая интерес как христиан,

так и иудеев к помощи бедным. Бедные всегда имели вашу идею, что также считалось странным.

Так что не ругать за пустую трату денег уникально, и поэтому Бультманн подумал, что это подлинно. Перейдем к отдельным высказываниям. Бультманн считает подлинными только около 40 из них.

По его словам, ни одна из Притчей не является подлинной. Ранние христиане не интересовались жизнью Христа до 70 или 80 года нашей эры. Затем они адаптировали уже существующие еврейские Притчи, чтобы предоставить материалы для создания учения Иисуса.

Нужно, чтобы он что-то сказал. Два апокалиптических высказывания. Некоторые из них от Иисуса.

Другие являются христианизированными еврейскими апокалиптическими высказываниями или высказываниями христианских пророков, позже приписанными Иисусу. Бультманн и ряд критиков формы рассматривают раннее христианство как нечто похожее на современное пятидесятническое движение, что, по их мнению, не является комплиментом. По сути, пророческие послания различных пророков, стоящих в общинах, позже были ошибочно приписаны Иисусу.

В основном, то, что утверждает Бультманн. Слова закона. Некоторые из них от Иисуса.

Большинство из них исходят из законничества ранней церкви, которое они изобрели. И Иисус не был законником, как думает Бультманн, поэтому только заповеди против внешней религии, вероятно, являются подлинными, поскольку они противоречат законничеству. Слова для глаз.

Ни одно из них не принадлежит Иисусу, согласно Бультманну. Они говорят о его мессианском служении и его божественности. Поэтому Бультманн отвергает их.

Идея Мессии, по его мнению, была придумана ранней церковью, скорее как Вреда в его мессианской тайной теории. Притчи. Некоторые из них подлинные.

Однако их контекст и интерпретации являются более поздними изобретениями церкви. Все предсказательные функции, очевидно, являются поздними дополнениями. Ну, результаты для этого, тогда.

Информация о личности и жизни Иисуса довольно скудна. Бультманн считает, что Иисус жил, страдал и умер, что, кстати, больше, чем некоторые из ваших коммунистических аргументов готовы были бы признать. Бультманн считает, что

некоторые люди следовали за Иисусом, но они неправильно его поняли, если они считали его Мессией, не говоря уже о том, если они считали его Спасителем или Богом.

Дальнейшие результаты. Информация об учении Иисуса несколько яснее. Из 40 подлинных высказываний Иисуса, считает Бультманн, мы можем вывести некоторые идеи.

Он говорит, что, во-первых, Иисус считал себя пророком, посланным в последний час, чтобы предупредить людей о приближении царства и призвать их к покаянию и святой жизни. Все эти пункты верны, но Бультманн значительно уменьшил то, что Иисус утверждает и чему учит. Во-вторых, Бультманн думает, что Иисус изображает грядущее царство как реальное и неизбежное, но он ошибался.

Это, по сути, очень распространенное либеральное мнение, что Иисус и апостолы ожидали прихода царства при их жизни. Бультманн и другие чувствуют себя оправданными событиями, поскольку царство не пришло и не пришло, хотя интересно сравнить это со 2 Петра 3.3, где Петр говорит: «Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия его? Ибо с тех пор, как уснули отцы, все остается так же, как и от начала творения». Бультманн видит истинную ценность учения Иисуса в том, что каждый из нас всегда сталкивается с экзистенциальным выбором жить в каждый момент либо для Бога, либо для мира.

Бультманн видит единственную ценность учения Иисуса в нашей повседневной жизни в том, что нет загробной жизни и нет будущего суда. Эта повседневная ценность реальна и присутствует в учении Иисуса, но это лишь малая часть его учения. Хорошо, это очень краткий обзор критики формы, рассматриваемый в основном с точки зрения Бультмана, но кто из них наиболее влиятельный? Теперь вернемся и подумаем с точки зрения оценки критики формы.

Что мы должны думать о критике формы? Я начну оценку прежде всего с утверждений, которые были сделаны ранее, утверждений критики формы. Итак, первое из них, был период устной традиции до написания Евангелий. Он длился около двух поколений, и первые Евангелия были написаны в промежутке между 70 и 100 годами нашей эры.

Ну, был устный период, поскольку сами Евангелия не были написаны сразу, но он продолжался, возможно, всего 20 лет до 40 или 50 г. н. э. , а не 40-70 лет, как утверждают либералы. Всего через 20 лет все еще было много живых очевидцев, поскольку ранние события видели тысячи. Таким образом, до 70 г. н. э. было много людей, способных подтвердить.

После падения Иерусалима большинство иудеохристиан были рассеяны, а многие другие очевидцы погибли. Павел писал уже через 20 лет после событий, и ни одно из его писем не было написано более 35 лет после служения Иисуса. Он имел тесные контакты с апостолами и иерусалимской церковью.

Ранняя и всепроникающая традиция гласит, что два Евангелия были написаны апостолами, а два других — их непосредственными соратниками. В результате нет настоящей цепочки традиций, которая необходима для формирования критики. В их схеме у вас есть, вы знаете, событие происходит здесь, и наблюдатель А видит что-то, и он говорит В, и он говорит С, и С говорит D и т. д., пока вы не доберетесь сюда до Z или чего-то еще, и тогда это записано. Длинная цепочка традиций. Вместо этого вся информация в Евангелиях была из первых или вторых рук со многими свидетелями, множественными свидетельствами и множеством возможностей для проверки.

Второе утверждение критики формы заключается в том, что ранние высказывания и истории циркулировали как независимые единицы. Что ж, мы, на самом деле, наблюдаем, что структура Евангелия часто похожа на бусины на нитке. Не всегда, но часто.

Подробные инциденты связаны краткими связками. Мы видели некоторые из них, когда просматривали некоторые из рассказов о чудесах там и тогда и тому подобное, которые являются очень краткими связками. Критика формы говорит, что ранняя церковь создала большую часть бусин и почти всю нить, чтобы удерживать их вместе.

Ну, некоторые из евангельских рассказов, вероятно, использовались как независимые единицы в том смысле, что апостолы путешествовали, обучая тому, что Иисус говорил, что он делал, кем он был и т. д. И они, естественно, использовали отдельные инциденты для иллюстрации моментов и обучения фактам в своих проповедях. Но эти инциденты никогда не имели независимого, изолированного распространения в своей передаче от события к написанному евангелию.

Они вполне могли иметь некую независимую, изолированную циркуляцию, которая не включала этого, но поскольку авторы евангелий были апостолами или непосредственными слушателями, у них никогда не было этой независимой, изолированной циркуляции в этой связи, если хотите. Апостолы знали нить, а также четки, и другие учителя, такие как Семидесять, знали, как события происходили вместе, и эта связующая информация никогда не терялась. Если традиционная информация об авторстве хоть сколько-нибудь верна, независимая циркуляция не имеет никакого отношения к содержанию канонических евангелий.

Кроме того, не все евангельские материалы выглядят как бусины на нитке. Повествование о страстях слишком тесно связано, чтобы быть независимыми анекдотами. Другие истории всегда тесно связаны друг с другом.

Женщина с кровотечением у дочери Иаира всегда взаимосвязана, даже в тех рассказах, где это происходит. У Марка есть тесно связанная последовательность субботних дней в Марке 1:21-39. Некоторые высказывания тесно связаны, как в Марке 4:21-25 и Марке 8:34-91.

Мы видим места, где единственный автор, который собрал все части вместе, был моральным и поэтическим гением. Например, Нагорная проповедь имеет поразительный еврейский параллелизм и поэтическое содержание. Ее моральное учение — лучшее из когда-либо виденных.

См. также хиазмы, отмеченные Кеннетом Бейли в его «Поэте и крестьянине», и различные замечания о литературном качестве притч и проповедей Иисуса в «Новом Завете в литературной критике» Лиланда Райкена. Как все эти фрагменты, составленные различными ранними группами, были вплетены в этот моральный и литературный гобелен? Какой гений это сделал? Иисус — лучшее предложение. Но в этом случае эти единицы имели только один источник и никогда не были независимыми.

В-третьих, материалы Евангелия можно классифицировать по формам. В некотором смысле, любое письменное или устное сообщение можно классифицировать по формам. Помимо этого, структура Евангелий «бусы на нитке» допускает множество примеров относительно коротких, дискретных форм, а именно рассказов и высказываний разного рода.

Однако формальный характер некоторых категорий Бультмана вызывает сомнения. Четыре из пяти категорий высказываний Бультмана, все, кроме притч, являются просто описаниями содержания. Какой стиль отличает законное слово или слово I от пословицы? Более того, повествование о страстях не имеет формы, в которую оно вписывается.

Как можно свести что-то столь сложное к примитивной форме? Датировка бесформенных материалов не может основываться на развитии форм. Бультманн заранее, независимо от истинных форм, решил, какие материалы являются подлинными, а в какие он не может верить. Мы видим, как он бросается на все формы чудес, даже когда они имеют его истинную примитивную форму.

В-четвертых, ранняя Церковь придумывала и расширяла истории и поговорки для удовлетворения своих практических нужд. Конечно, одним из факторов

сохранения материала об Иисусе была его ценность для ранней Церкви. Но это был не единственный фактор, и не было необходимости предлагать изобретение.

Что мы вообще подразумеваем под практическим? Обратите внимание, что послания Павла гораздо более практичны, чем Евангелия, в удовлетворении нужд действующих церквей, поскольку они написаны для реальных церквей, имеющих реальные проблемы. Это очень очевидно в большом преобладании проповедей из посланий, которое мы видим в практически ориентированных церквях сегодня. Однако, по сравнению с учением Павла, кажется, что многие интересы Церкви не найдены в Евангелиях, и наоборот.

Евангелия рассказывают нам, кто такой Иисус и что он сделал, историю спасения и библейское богословие, но они не дают ответов на многие практические вопросы. Даже подробности практического применения искупления Иисуса находятся в посланиях, а не в Евангелиях, по-видимому, потому, что Иисус не обсуждал это во время своего земного служения. То, что люди были готовы следовать за Иисусом, даже следовать за ним до самой смерти, предполагает, что он, должно быть, сделал или сказал что-то примечательное.

Большая часть материала в Евангелиях не имеет прямого практического значения для более поздних церквей, но имеет важное историческое значение, особенно в его отношениях с фарисеями и т. д. Евангелия посвящены сохранению служения Иисуса, его высказываний и его действий, поэтому Церковь их сохраняет. Являются ли Евангелия выдумкой? Многие практические вещи в Евангелиях невозможны.

Нагорная проповедь содержит многое из того, что люди не могут сделать своими силами. Законнические церкви стараются не изобретать повеления, которые можно исполнить только по благодати. Когда либералы говорят, что евангельский материал был выдуман, они утверждают, что ранняя Церковь не контролировала то, чему учили об Иисусе, но Новый Завет заботится об истине, об обученных старейшинах и об отвержении ложного учения.

Либералы пытаются отбросить большую часть этого материала, например, пастырские послания, отодвигая их дату на конец первого века. Но если была группа церковных лидеров, которые контролировали церковное учение и содержание от смерти Христа до написания Евангелий, то либералы в беде. В этом случае Евангелия исторически достоверны, либеральное богословие неверно, и грядет суд.

В-пятых, Евангелия содержат мало биографической, географической и хронологической ценности. Ну, Евангелия содержат много данных в этих областях. Мы не можем проверить все это 2000 лет спустя.

У нас нет машин времени. Конечно, Иисус изображен как делающий громкие заявления о себе и грядущем суде, и эти выводы продолжают влиять на людей.

Чтобы отрицать эти утверждения и историческую ценность Евангелий, нужно утверждать, что ранняя Церковь не была заинтересована в Иисусе истории. Это противоречит везде. 1 Коринфянам 15, примерно через 25 лет после события, Павел говорит: Если Христос не воскрес, то вы все еще во грехах ваших.

Павел не говорит, поверьте мне на слово, но апеллирует ко многим свидетелям, которые все еще живы. Примерно через 25 лет после события все еще можно проверить подробности о жизни Христа. Лука 1, 1-4 прямо говорит, что автор был заинтересован в том, что действительно произошло.

Он, по-видимому, опрашивал очевидцев и тщательно расследовал вопросы. Деяния 1 :21-22, выбирая замену Иуде, апостолы выбрали того, кто был с ними от крещения Христа до воскресения. Таким образом, апостолы были не только свидетелями воскресения Иисуса, но и его служения.

Это показывает большой интерес к истории Иисуса. Ранняя Церковь также была обеспокоена тем, чтобы этот материал передавался осторожно. См. беспокойство в 2 Фессалоникийцам 2:2, 2:5, 2:17 и 3:17 о поддельных сообщениях и письмах Павла относительно второго пришествия.

Павел говорит, что он лично подписывает свои письма как доказательство своей подлинности. Доказательство их подлинности. 2 Тимофею 2:2 говорит, чтобы ты передал верным людям то, что слышал при многих свидетелях.

Итак, Тимофей опирался не только на слова Павла. Кстати, мы видим похожее утверждение в раввинской литературе. Мишна, Эдийот 5-7, где раввин Акабия бен Мехалиэль находится на смертном одре около 90 г. н.э.

Он говорит своему сыну повторять только то, что он слышал от большинства учителей. Игнорировать традицию, которая исходит только от одного, даже если это его отец. Чтобы удержать свою позицию, критики форума отвергают свидетельство Папия о тесной связи между Евангелиями и апостолами, хотя нет никаких внешних доказательств против этого.

Очевидно, у нас есть свидетельство Папия о том, что апостол Матфей стоит за Евангелием от Матфея, а Петр через Марка ответственен за Евангелие от Марка. Либералы считают апостола Матфея автором Q в лучшем случае и говорят, что

все остальные ранние ссылки основаны на неверном толковании Папия. Это большое предположение.

Мог ли Ириней ограничиться только Папием в качестве источника данных, когда его главным учителем был Поликарп? Обратите внимание, что гностикам пришлось обратиться к теориям заговора, чтобы заявить об авторитетности своих учений. Они согласились, что публичное учение Иисуса было таким же, как в канонических Евангелиях, но утверждали, что оно было неполным и должно было быть дополнено тайными словами Иисуса. Сравните начальные слова Евангелия от Фомы и Евангелия от Иуды, оба из которых ссылаются на тайные учения.

Все это показывает, что церковь интересовалась тем, кем на самом деле был Иисус, и что ее письменные документы были хороши. Маркион даже изменил Луку, вместо того, чтобы выбросить все как ненадежное. В-шестых, можно восстановить оригинальную версию каждой единицы традиции и проследить ее историю, используя законы, управляющие традицией.

Даже если мы допустим, что законы традиции Балтимора действительны, хотя на самом деле у них есть серьезные проблемы, это не доказывает, что в Евангелиях произошла фальсификация. Утверждения о том, что во время передачи традиции детали имеют тенденцию к увеличению, имена добавляются, а дискурс переходит от косвенного к прямому, не соответствуют тому, что Марк является источником Матфея и Луки, где у Марка много прямого дискурса и часто больше деталей, чем у Матфея и Луки. Верно, что эти тенденции часто характеризуют передачу историй и высказываний, как при выталкивании иллюстрации проповеди, но даже тенденция что-то делать не доказывает, что это было сделано в каком-либо конкретном случае.

Проблема в том, что для события, которое действительно произошло, у людей были настоящие имена, они действительно говорили прямым дискурсом, и события действительно происходили в мельчайших подробностях. Итак, все эти вещи были в оригинальном событии. Учитывая два рассказа о событии с разным уровнем детализации, один менее, другой более, вы должны угадать, какой из них старше.

Вот оригинальное событие со всеми подробностями, а затем оно возвращается вниз, и в конце концов становится очень низким, и тогда люди начинают придумывать всякую всячину, и относится ли длинная стрелка сюда с короткой стрелкой позади нее, подальше от события, или короткая стрелка принадлежит сюда, а длинная стрелка обратно сюда? Вы не знаете. Даже если допустить некоторую фальсификацию в Евангелиях, достаточно ли этого, чтобы полностью отбросить учение о Страшном Суде? Либералы должны сказать, что Евангелия совершенно ненадежны, чтобы сделать это. Могло ли это произойти в одном

поколении в группе, которая, очевидно, была обеспокоена истиной? Нельзя отбрасывать истории о чудесах на основе законов традиции.

Это было бы похоже на вывод из историй о рыбах о том, что рыб не существует. Законы традиции допускают только упрощение историй, но не исключают их полностью. Бультман и либералы отвергают чудеса, предполагая, что они не могут произойти.

Ну, ни один ученый, тем более Бультман, не знает достаточно, чтобы сказать, что наша вселенная — это закрытая система причин и следствий, в которую даже Бог не может проникнуть. Процедура Бультмана гарантирует нахождение нечудесного, неортодоксального Иисуса с использованием принципа диссонанса. Но говорит ли это нам что-нибудь о настоящем Иисусе? Ну, несколько позитивных уроков из критики формы.

Прежде всего, евангельские рассказы содержат как раз тот материал, который мы ожидаем от подлинных воспоминаний людей, которые были свидетелями памятных событий, особенно если им было поручено учить этим событиям и они делали это некоторое время до того, как писать. Мы наблюдаем, например, общие очертания. Так что, все Евангелия одинаковы в отношении общих очертаний, да? Общая последовательность, обзор периода.

Мы видим много отдельных, простых инцидентов, памятных случаев, анекдотов, вещей такого рода. Мы видим некоторые последовательности. Они включают как тривиальные, так и крупные элементы и взаимосвязи между ними.

Мы наблюдаем формы и закругления. Кстати, они более характерны для устного повторения одним человеком, чем для устной передачи через многих людей. Частое повторное использование материалов в путешествующем служении имело бы тенденцию формировать поразительные заявления и чудеса в этой форме.

Человек, который обдумывает и на собственном опыте узнает, как рассказ истории доносит или не доносит суть, и как он может войти и выйти из нее и т. д. без лишних слов. Так что это один из наших уроков. Евангельские рассказы содержат именно тот материал, который мы ожидаем от подлинных воспоминаний.

Во-вторых, критика формы гиперскептически. Если бы она применялась где-то еще, мы бы очень мало знали о прошлом. Некоторый скептицизм полезен, но если его слишком много, вы отбрасываете многое из того, что вам нужно.

Как только мы выходим за рамки живых людей, мы должны полагаться на письменные документы и устные традиции. Фильмам и видео нельзя доверять больше, чем письменным источникам. В-третьих, формальная критика внесла позитивный вклад, показав, что в Евангелиях нет традиции не-мессианского, не-чудесного, чисто человеческого Иисуса.

Если мы возьмем примитивные формы до того, как их выкинул Балтимор, у нас все еще будут чудеса и мессианские заявления. Иисус считал себя способным прощать грехи, заявлял о близких отношениях с Отцом, был человеком, но уникально божественным, все это было отмечено постбалтиморцами. Балтимор должен выйти за рамки критики форм с общими мировоззренческими предположениями, чтобы выкинуть этот материал.

Христос Евангелий продолжает оставаться противоречием тем, кто исключил сверхъестественное. Что ж, мы собираемся обратиться к критике редакции, но давайте остановимся на мгновение.